

СТЕРЖЕНЬ ЖИЗНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НАЧАЛО.

Тот июнь был самым обычным. Конец месяца подступил как-то неожиданно скоро. Казалось, только отсыпалась, вздохнула спокойно:

- Слава Богу! Управились!

А вот тебе и нет. Травы подошли. Да такие хорошие! Рясные — коню по зрудь!

Студент последнего курса агрономического отделения сельскохозяйственного техникума, я был направлен на производственную практику в рядовой соевыйхоз. Встретили радушно. На посевной поработал учетчиком, на сенокосе помогали помощником бригадира. Вот здесь мы с ним и встретились. Обычный деревенский мужик, лет сорока пяти. В портфете хлопчатобумажном пиджаке, кирзовых сапогах и кепке. Но с какой то искрой в глазах, не хитринкой, а чуть мудро-усталой и такой доброй, располагающей к себе, что невольно глазам тем веришь, чувствуя — они не соврут!

Я работал с ним в одном звене и не столько наблюдался опыта руководства, сколько просто учился жизненному опыту, смекалке и той народной доброте, которую, к сожалению, не почерпнешь более нигде, кроме как в нашей глубинке. Мы много говорили вечерами, иногда в перерывах. Мне было сложно вызвать его на откровения, но постепенно мы притерлись, и вот что он мне поведал...

- Родился я в далекой сибирской деревне Бобровка. Красивые места! — скажу я вам. Горы не очень высокие, поросшие лесом, речка, по имени которой и названа деревня, достаточно крепкая; луга заливные, рыбы и зверья много. Трудись с рассвета и до заката — не ленись. Воздастся сторицей! Да и оно понятно было. Столько вольности в центре России и не снилось. Батенька с мамкой молодые — красивые. Потому и ребятшек много было, аж шестеро! Хотя для того времени средняя семья-то. Старший Агафон, затем дочка Ксения и Варвара, братик Коленька и я, а уж за нами последыш — младшенькая Фаинька. Помню, батенька все время говорил:

- Крепость наша в чем? А в том, что ехали вместе да дружно держаться, не сломать наш корень, стержень наш не сломать! Вот с тем и жили, и трудились. Батенька с зари и до вечера с Агафоном в поле, мамка с сест-

рами по хозяйству. Мы, поменьшинству, нянчились друг с другом и, как могли, помогали старшим, стараясь не мешать. Речка у нас, хоть и небольшая была, а на рыбу богата, не сродни вашей! Вот лето с рыбой и были. Ягуду да грибы собирали. Ну а если страда — все вместе: косить, колнать, молотить одно удовольствие — кто вперед! А в конце двадцатых и вовсе повезло. Кулец наш, Стулов, вдруг засобирався куда-то, да и давая хозяйство свое продавать! Батенька соблазнился на уговоры и решил подкупить кое-что. Лоботрейку да половину пасеки своей в двадцать! А у самого дойных коров с десяток было, лошадок пяток да по мелочи — кое-что.

В тот год Агафон заневестился. Засватили невесту из местных. Ладная девка попалась. Свое хозяйство разводить стал. Вечерами зимними собиравались у батеньки. Семечки жевали да в лоты играли. Мамка сказки да были сказывала. Грамотной была, училась у сыновья, пионерских. Стихов много знала. Девчонки с ней вместе пряжу прали, вязали много, пели.

В Бога верили все, крещенные. Церкви две было. Потом порушили, но иконы и книги церковные берегли пуще живота. За стол без молитвы не могли.

Кони у батеньки хорошие. Особо два на выезд. Уж как он их холпил! Без куса хлеба не подходил. Чистил, чесал их, мы с Коленькой помогали. Выехать — особый ритуал был! С утра управлялся, сбрую перебирал, чинил, если нужно

было. После запрягал сам. Мы подай — принеси.

- Учитесь, запоминайте. Сами хозяевами будете. Конек — дело святое! В жизни без конька одна морока и значимости никакой! Так себе не мужик и не баба. Знать бы тогда, сколько и каких коньков придется мне запрягать и распрягать...

Пришла осень. Самая хмурая осень моей жизни. В начале ноября утро выдалось пасмурным и прохладным. Неделя, как выпал снег, да и больше уже не растаял. Слова — колхоз, коммуна — были незнакомы, резали уши, пугали. Взрослые говорили их вполголоса, нам зажимали уши. Слухи, как та, раканы, ползли по деревне. Кулак и единоличник были обидными кличками. Носители этих слов — врагами.

Раскулачили уже несколько семей. Я их хорошо знал. Дядя Семен — сосед, у него трое взрослых сыновей — кулак! Дядя Прокоп — сирота, купил у купца год назад мельницу, продал почти весь скот; восемь детей, из них пять сынов! — Враг народа! Увез вместе с семьей, неизвестно куда. Отец приходил домой чернее ночи. Шептался о чем-то с Агафоном, мамкой. Тем утром пришли и к нам. Приехали на трех подводах. Зашли в избу. Мы, мелочь, на полатах, заблудились в одеяла, слушали. Зачитали бумагу. Мать запричитала. Батенька, в исподней рубахе, побраться не успел, стал бледным и чужим. Только желваками играл да пальцами в кулаках хрустел. Позвали во двор, мы — к окнам. Пошли сначала к амбару. Стали насыпать кули с зерном. Грузить на подводы. Трое пришлых открыли конюшню. Вывели рабочих лошадей. Запрягли в наши брички, подогнали к погрузкам. Грузили долго. Батенька все курил. Пришли соседи. Выкатили лоботрейку. Все были мрачными, испуганными. Прибежал расхристаный Агафон, встал возле отца. О чем-то тихо говорили. Мамка забежала в избу, упала на колени под иконы, истово молилась. Мы плакали.

Тем временем стали требовать у батеньки ключи от конюшни, где стояла пара ездовых лошадей. Агафон вместе с отцом встал возле дверей. Четверо красноармейцев с винтовками на перевес штиками оттеснили их. Сорвали замок.

- Ироды! Будете вы прокляты! — сорвался отец, — Это же все, что я горю своим нажил! По миру пускаете! Не отдам!

Его сбили с ног. Агафона скрутили, увели. Батеньку бил озноб. Он поднялся, отошел к столу. И тут ему на глаза попались вилы. Короткие, не стоговые. Он этими вилами кормил скотину, обычный трезубец, деревянный, струганный им нынешним летом, на сенокосе. Отполированный его руками.

- Не д-а-а-а!

С вилами наперевес он бросился к конюшне. Все произошло быстро. Он ударил прямо в грудь одного из выводивших коней. Его снова сбили прикладом по голове. Скрутили, поволокли к ходу. Почти потерявший сознание, он глухо хрипел:

- Это мое! Не дам!

Мамка увидела это в окно. Сначала замерла, потом завывала и бросилась на улицу. Мы бежали за ней следом.

Лежа на животе, ему не давали подняться мужики, он прокричал:

- Живи, мать, теперь, как сможешь! Детей береги! Вместе держитесь! Даст Бог, свидимся!

Больше мы его никогда не видели.

В тот год согнали всех оставшихся единоличников в колхоз, вместе с утварью и скотом. Зимой началась бескормица. Не только скот, но люди жили впроголодь. Весной нечем было сеять, да и не на чем пахать. Маменька как-то сразу свернулась, усохла, все болела. А через год с небольшим тихо отошла. Нас, сирот, определили в детский дом. Агафону не позволили забрать никого. Мы с Коленькой и Фаинькой попали вместе. Остальные — не знаем куда. Вот так и рассылало наше гнездо. Видать, в то время стержнем для нас и был отец!

Сено в этом году и впрямь было хорошим. Мы с первого дня соорудили большой шалаш, где отдыхали в обеденный зной, спали ночью. Коней отпустили на ночь с подпаском — тут же, неподалеку. Вечеряли у костра. Днем нас кормили сытным обедом. Заправляли и ужинали предпочитали своим, благо деревня наша находилась рядом. Нам принесли молока, первые огурцы, вареные яйца и зеленый лук с редиской. Ах! Какие парные ночи в конце июня! А ушлица с песочаря да окуня! А спать на свежескошенном сене! Это, я скажу вам, не перина, душевая и вязкая. Достаточно пяти часов крепкого сна — и вы бодры, свежи и полны сил для создания. Как мне не хватало этих, увя, молодых, здоровых снов! Ну да с вашего разрешения, продолжим...

Продолжение следует...

Владимир ПОЛЯКОВ

1.09.11 г.